

Ревуцкая Елена Альфонсовна

АРХАИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена анализу проявлений архаизации в российском социокультурном процессе. Автором предпринята попытка выявить причины постоянного присутствия и действия данного феномена при попытках модернизации российской действительности. Подчеркивается проявление тенденций архаизации во всех областях жизни российского общества. Автором делается вывод о значимости фактора архаизации для жизни современной России и утверждается необходимость учета особенностей регионов России при осуществлении управленческого воздействия с целью модернизации экономической, социальной и политической сфер общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК [1:316]:167(470+571)

Философские науки

Статья посвящена анализу проявлений архаизации в российском социокультурном процессе. Автором предпринята попытка выявить причины постоянного присутствия и действия данного феномена при попытках модернизации российской действительности. Подчеркивается проявление тенденций архаизации во всех областях жизни российского общества. Автором делается вывод о значимости фактора архаизации для жизни современной России и утверждается необходимость учета особенностей регионов России при осуществлении управленческого воздействия с целью модернизации экономической, социальной и политической сфер общества.

Ключевые слова и фразы: социокультурное пространство; традиционная культура; архаическая культура; архаизация; синкретизм; идентичность.

Ревуцкая Елена Альфонсовна

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина (филиал)

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

carolina2912@rambler.ru

АРХАИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ[©]

Современная российская ситуация демонстрирует специфические и причудливо состыковывающиеся друг с другом тенденции. Налицо – разрыв социокультурного пространства с последующим расхождением и даже поляризацией социальных страт. Разные слои общества существуют в разных временных измерениях, для них характерны свойственные именно данному (своему) времени атрибуты и характеристики. Целью статьи является попытка выяснения причин постоянного присутствия фактора архаизации и его роли в российском социокультурном процессе.

Следует отличать традиционную и архаическую культуры. «Видимо, традиционная культура функционирует внутри цивилизации, а архаическая культура представляет собой доцивилизационный этап развития. Однако, очевидно, что традиционная культура вбирает в себя и сохраняет элементы архаической культуры, которые в процессе развертывания истории время от времени способны активизироваться и даже вытеснять более поздние пласты культуры» [13, с. 311-312].

По мнению А. С. Ахиезера, «архаизация – результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса..., проявляется в условиях большого общества, государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности» [1, с. 89].

Архаизация является результатом сложных и противоречивых событий, имевших источник в истории России и актуализировавшихся вслед за распадом Советского Союза. Царская Россия была крестьянской страной с сильными общинными традициями...

Русская община (мир) имела, безусловно, свои «сильные» стороны. Она была охранительницей коллективного «духа» и своеобразным «механизмом», предназначенным для выживания в условиях рискованного земледелия, когда происходит чередование урожайных и неурожайных годов. Сохраняя традиционные коммуникации, она обеспечивала преемственность в трансляции социального опыта. Она была своеобразным коллективом выживания, приспособленным к специфическим условиям российской жизни. Объективно направление реформы общины, а точнее ее «упразднение», противостояло идеалам и установкам традиционной культуры, идеалам синкретизма. Таким образом, «община» (мир) была стержневым понятием русской традиционной культуры.

Понятие «синкретизм» описывает исходное состояние культуры, его суть в «нерасчленимой целостности всех его элементов, в слитности социокультурного пространства» [14, с. 29]. Процесс дробления прежде относительно цельного синкретизма не мог не вызвать ответных волн архаики, проявившихся в миллионах массовых решений, столкновений разнонаправленных устремлений. И. Г. Яковенко пишет: «установка на синкретизм блокирует вычленение автономной личности. Русская культура не онтологизирует человека, выделившегося из традиционных общностей. Ценности автономного бытия не являются подлинными, ради этого не стоит жить. Отсюда мифология единой цели, эсхатологической перспективы и декларации об органической неспособности русского человека жить мещанскими горизонтами западного обывателя» [Там же, с. 35].

Революция 1917 года сопровождалась огромным количеством архаических эксцессов и тенденций в развитии общества. «По всей стране шло уничтожение предметного тела зрелой цивилизации. Когда грабились и сжигались имения, прежде всего, уничтожались не ненавистные гнезда эксплуатации, а гнезда чуждой культуры и противостоящего архаической деревне, разлагающего его образа жизни... В массовом порядке актуализируются ярко выраженные догосударственные архаические модели социальности: работоторговля, военно-демократическая стихия, язычество» [Там же, с. 466].

Время существования СССР тоже может быть рассмотрено как проект, удивительным образом сочетавший достижения промышленной модернизации и самую настоящую архаику. Так, например, в сельском

хозяйстве были распространены колхозы, а колхозники были своеобразными крепостными, лишенными возможности свободного перемещения. Значительная часть строек и новых предприятий возводилась трудом заключенных, среди которых были «враги народа».

Для ситуации после распада СССР эти события связаны с приватизацией прежде государственной собственности, которая воспринимается большинством населения как нелегитимная. Для всего постсоветского периода характерен быстрый рост децильного коэффициента, резко поляризовавшего общество по уровню доходов, что в целом, вызвало резкое ухудшение положения, в том числе и социальной защиты, значительных по численности слоев населения во всех регионах страны. Разрыв между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных по данным ряда источников достиг 16 и более раз: 2009 г. – 16,7, 2010 г. – 16,5, 2011 г. – 16,3 раза [7].

Распад государства совпал с информационной революцией, связанной с широким распространением современных средств массовой коммуникации. В российском обществе появились черты, которые прежде не были столь заметными, – информационное неравенство. Люди оказались неравными в возможностях доступа к современным средствам массовой коммуникации, что в существующих условиях часто оказывается серьезным ограничением в доступе к информации и ограничивает возможности получения современного образования.

Заимствование западных институтов и внедрение их на российскую почву не принесло сколько-нибудь заметных позитивных изменений в жизни среднего россиянина. В ситуации информационной революции резко возросла проницаемость пространства и упала возможность государства его контролировать. Как следствие этих процессов – появление тенденций дезинтеграции страны по этническому и конфессиональному признакам. Федеральный центр перестал должным образом контролировать национальные регионы, многие из которых в большей степени стали ориентироваться в культурном плане на родственные им по языку и религии государства. За последние годы значительно выросло влияние на общество религии. Причем в данном случае речь идет о сознательной политике российского государства в продвижении этих идей и в реальном, и в медийном пространстве. Мы видим постоянное присутствие в СМИ и СМК высших иерархов традиционных для России конфессий. Священнослужители активно пытаются проникнуть в средние и высшие учебные заведения и в известной степени это им это удается. Идут сложные процессы сближения богословия с наукой. Министерство образования России обсуждает признание богословских ученых степеней и званий [2].

А. С. Ахиезер отмечает, что «важнейшее, если не главное, проявление архаизации, заключается в том, что культура, культурные программы архаичного типа, имманентные догосударственным локальным мирам оказываются значимыми, даже господствующими в культуре государства, большого общества. Господство архаичной культуры в большом обществе представляется проблемой первостепенной важности для страны. Вектор архаизации направлен на превращение архаичных программ, решений, действий в реальное массовое действие» [1, с. 93]. По сути дела, значительная часть общества, подчас весьма образованных людей, имеющих доступ к современным средствам массовой коммуникации, находятся под влиянием архаизации. «Эта культура, будучи экстраполирована на большое общество, вступила в разрушительное противоречие с усложнением подлежащих формулировке и разрешению проблем. Ее периодическая активизация может достигать крайних форм разрушения и при этом в глазах ее носителей выступать как естественная, нравственно оправданная, неизбежная, а это маскирует ее неадекватность большому обществу» [Там же].

Внутри российского государства все в большей степени стали проявлять себя архаичные хозяйственные и культурные практики. Причем касается это не только кавказских, но и европейских субъектов РФ. Остается стабильно высоким теневой сектор экономики. Сложившаяся ситуация во многих регионах способствует росту именно такой занятости населения. Это могут быть архаические практики хозяйственной деятельности, которые не то, чтобы только уцелели, но и возобновились, несмотря на индустриализацию, проведенную в советское время. «Характерной чертой архаических практик является то, что в подавляющем большинстве случаев они происходят в тени, государство о них как бы догадывается, но наверняка не знает, закрывая на это глаза. Именно эта теневая, не облагаемая налогами деятельность позволяет людям сводить концы с концами, а иногда и строить планы на будущее» [8, с. 85].

По мнению В. Г. Федотовой, в рассматриваемый период «запад в значительной мере деиндустриализировался ради постиндустриализации, перенося индустрию в страны Азии. А Россия деиндустриализировалась, не переняв постиндустриализм (за исключением некоторой компьютеризации), в значительной степени уходя в доиндустриальное состояние» [12, с. 47]. Результатом таких процессов стала постепенная деградация значительной части рабочих и инженерно-технического персонала крупных и средних предприятий. Естественно, что параллельно с этим, шло закрытие этих предприятий как нерентабельных с последующей приватизацией. Высвободившиеся работники занимаются кустарным промыслом или работают в сфере перепродажи. Даже официальные данные о теневом секторе производства, хотя подсчитать это точно невозможно, дают соотношение «света» и «тени» приблизительно 50% на 50% [11].

В последние годы проявления архаизации можно отметить в сфере литературы. Особенно популярным стал жанр антиутопии, что отразилось, например, в книгах В. Г. Сорокина «День опричника», «Сахарный кремль» [9; 10]. Наглядно нашло отражение эта тенденция в «Манифесте» Н. С. Михалкова, в котором он ностальгирует по «старым добрым временам» и предлагает свой проект будущей России [5].

В первой книге, посвященной партии «Единая Россия», ее автор во введении утверждает, что «мы обеспечиваем, поддерживаем и защищаем государственное единство и политическую целостность посредством концентрации высшей (общегосударственной) власти и централизации территориальной власти. Властным центром при этом непосредственно выступает глава государства – царь, или “царь”, т.е. “республиканский монарх” и верховный правитель. Причем это – конкретная персона, личность, а не институт» [3, с. 4]. Автор

недвусмысленно выражает идею преемственности и сакральности верховной власти в России. Таким образом, на новом витке развития общество и государство возвращают к, казалось бы, уже изжитым сюжетам.

Естественно, что возврат никуда в чистом виде не возможен. Интересной представляется сама тенденция. Ее появление в определенной степени – результат понимания частью общества неорганичности произошедших перемен, отсутствия сколько-нибудь привлекательных перспектив в будущем, результат усталости и апатии, распространившейся среди значительных по численности слоев российского населения.

Прежняя советская идентичность, гражданская в своей основе, сменилась разными по происхождению и более архаичными идентичностями: этнической, конфессиональной или региональной. Представляется, что на уровне общества произошла более четкая артикуляция именно этих, более архаичных идентичностей. В результате общая устойчивость конструкции государства и плотность центростремительных коммуникаций в целом уменьшилась.

Для многих регионов Российской Федерации, особенно национальных, появились новые центры притяжения. Ими стали близкие по культуре и религии государства. Ослаб федеральный контроль информационного пространства. Наглядный пример этому – ситуация в республиках Северного Кавказа, где значительно усилилась роль духовенства и в целом влияние религии на коренное население. Ислам в наиболее экстремистских формах, например, в форме ваххабизма, был завезен молодежью, получившей образование в Турции, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и др. Официальным властям в этих субъектах Российской Федерации все с большим трудом удастся контролировать ситуацию на местах.

Место «большого нарратива» заняли множество мелких, «местечковых нарративов», которые разделяют страну на территории с разным по происхождению и культуре населением. Многие национальные субъекты (главным образом на Северном Кавказе) становятся в значительной степени мононациональными – русское и в целом нетитульное население покидает их. Происходит это в результате того, что люди не видят перспективы для себя и для своих детей ни в работе, ни в получении хорошего образования. В повседневной жизни получают распространение иные хозяйственные и коммуникативные практики, связанные с архаикой.

Тенденции архаизации могут быть обнаружены в самых неожиданных областях экономической, социальной и политической жизни. Установившаяся в последние годы политическая ситуация благоприятствует подобным изменениям.

Политическая культура, распространенная в России, является подданнической, институты гражданского общества крайне слабы, заинтересованные люди, скорее, имитируют его присутствие, имеющаяся партийная система не покрывает всего спектра предпочтений граждан. Многие не находят среди парламентских партий ту, которая выражает их интересы. Имеющиеся партии лишь условно можно считать политическими. Их природа – иного происхождения. Создаваемые искусственно, они лишь имитируют деятельность полноценной политической системы. Многие авторы отмечают, что «даже избирательные кампании федерального уровня проводятся крупными информационными агентствами, специализирующимися на политическом маркетинге. Структуры партийных организаций при этом, по заключению экспертов, играют исключительно вспомогательную роль поддержки централизованной рекламной кампании в регионах». Реальная деятельность в регионах России, за исключением, отсутствием. В результате можно констатировать, что «современное российское партийное строительство представляет собой своего рода дизайнерскую, художественно-техническую деятельность по формированию предметной среды российской политики, способствующей привлечению общественного внимания, завоеванию доверия избирателей и ориентации спонсорских ресурсов» [6, с. 81].

Опросы общественного мнения показывают, что «власть, по мнению россиян, должна держаться на “соблюдении конституции” (51%), на “государственной системе, созданной и работающей в интересах общества” (46%). А в России, отвечают чаще всего ее граждане, она держится на “круговой поруке чиновников, их коррумпированности” (33%), на “всей мощи государственной машины, работающей только на интересы власти” (30%), “на людях, привлеченных во власть по принципу личной преданности” (21%). О том, что наши власти опираются на “соблюдение конституции”, решилось сказать менее 14%» [4].

В такой ситуации количество желающих заниматься внедрением инноваций, в целом модернизационными проектами вряд ли может быть хоть сколько-нибудь существенным. До сих пор не виден субъект, который в существующих экономических и социально-политических условиях будет проводником этих изменений. Пока мы слышим много правильных слов, но видим существенно меньше реальных дел. Кроме лозунгов, не слышно практически ничего.

Опыт российской архаизации может приобретать различные формы. «Это может быть форма пугачевского бунта или погрома во имя уравнительности, против государства, которое реально или мнимо ответственно за нарушение уравнительности. Или форма архаизации культуры отдельных элитарных групп, включая правящую элиту, проявляющаяся в попытках формирования в соответствии с массовым народным мифом авторитарной или даже тоталитарной власти отца (что мы можем наблюдать в настоящее время), или, наоборот, разваливания общества на основе модели “братской семьи”, где решения принимаются съездом авторитарных глав регионов, ведомств и т.п.» [1, с. 97].

Таким образом, архаизация оказывается значимым фактором жизни современной России, с которым должны считаться те люди, которые реально берут на себя ответственность за ее реформирование. Регионы России объективно находятся в разных ситуациях и для них характерна разная степень проникновения архаизации в экономическую, социальную и политическую сферы жизни общества. Успешная модернизация возможна только в том случае, если будет учитываться местный контекст и возможности населения принимать эти изменения без скатывания в архаику.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89-100.
2. Демина Н. В. Высшая аттестационная комиссия замахнулась на модернизацию и теологию [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/article/2010/08/04/vak_modern/ (дата обращения: 16.05.12).
3. Иванов В. В. Партия Путина. История «Единой России». М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 342 с.
4. Левинсон А. Г. Наше «мы»: на чем держится власть в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/08/10/243096> (дата обращения: 14.11.11).
5. Михалков Н. С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1288470000> (дата обращения: 14.11.11).
6. Нежданов Д. В. К вопросу о понятии «партийный дизайн» // *Социум и власть*. 2006. № 3. С. 80-85.
7. **Расслоение российского общества: социальные взрывы** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/901689/> (дата обращения: 16.05.12).
8. Рязанов А. В. Этнос и коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 112 с.
9. Сорокин В. Г. День опричника. М.: Захаров, 2007. 224 с.
10. Сорокин В. Г. Сахарный кремль. М.: АСТ; Астрель, 2008. 352 с.
11. Тертышный С. А. Институциональные основы теневой экономики современной России [Электронный ресурс] // *Проблемы современной экономики*. 2011. № 4 (40). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtid=3787> (дата обращения: 16.05.12).
12. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
13. Хренов Н. А. Человек как субъект в инверсионных волнах // *Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*. М.: Наука, 2003. С. 311-350.
14. Яковенко И. Г. Познание России. Цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008. 521 с.

ARCHAISM IN THE RUSSIAN SOCIAL-CULTURAL PROCESS

Revutskaya Elena Al'fonsova

*Volga Region Institute of Administration named after P. A. Stolypin (Branch)
of Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President
carolina2912@rambler.ru*

The author analyzes archaism manifestations in the Russian social-cultural process, undertakes an attempt to reveal the reasons of the constant presence and actions of this phenomenon while trying to modernize the Russian reality, emphasizes the manifestation of archaism tendencies in all spheres of the Russian society, comes to the conclusion about archaism factor significance to the life of modern Russia, and asserts the necessity to take into consideration the features of the Russian regions in the implementation of administrative influence with the purpose to modernize the economic, social and political spheres of the society.

Key words and phrases: social-cultural space; traditional culture; archaic culture; archaism; syncretism; identity.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу «благодарных» солдатских писем из действующей армии на Дальнем Востоке, написанных в короткий промежуток с начала марта 1905 г. до конца мая 1906 г. и адресованных Вятскому дамскому кружку. Рассматриваются настроение, потребности солдат, их отношение к войне, военному быту. Обращено внимание на то, что в военной корреспонденции практически отсутствует оценка хода войны, действий русского командования. Используемые в статье письма впервые вводятся в научный оборот, дан их краткий источниковедческий анализ.

Ключевые слова и фразы: русско-японская война; Вятский дамский кружок; солдатские письма; дальневосточный фронт; военный быт; отношение к войне; настроение.

Рубанова Ирина Владимировна, к.и.н., доцент

*Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко
ivladu@mail.ru*

**«БЛАГОДАРНЫЕ» ПИСЬМА СОЛДАТ ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1905-1906 ГГ.)[©]**

Источники личного происхождения достаточно широко представлены в историографии русско-японской войны. Это в первую очередь дневники, воспоминания, оценивающие значимые события русско-японского конфликта [1]. Эпистолярное же наследие представляет собой фрагменты из жизни отдельных персонажей: участников боевых действий в армии, на флоте, военных корреспондентов, освещающих эпизоды той войны [2; 4-9]. «Под пулями не лгут», а потому эти письма бесхитростны, предельно искренни и по-своему правдивы.